

ВЕСТНИК КАЗГУКИ № 4 2016

Паушкин - автор более двадцати книг прозы и поэзии, основная тема которых - события военных лет. Среди них - «Материнская звезда», «Слушай мои позывные», «Живу и помню», «Танай-ка» и другие.

Поэт и прозаик Дмитрий Сычев (1918-1986) участвовал в Великой Отечественной войне в составе инженерно-технических частей Военно-воздушных сил СССР. Война - основная тема его творчества. Герои прозаических произведений Сычева - летчики, техники, автомеханики. Военная проза писателя вошла в сборники "Гром над облаками" (1980), "Близ голубых лагун" (1984). За боевые заслуги награжден орденом Красной звезды и медалями. [4, с.339]

Таким образом, мы видим, что русскоязычные писатели ТАССР проявили себя патриотами и на фронтах ВОВ, и в мирное время. Они внесли огромный вклад как в развитие фронтовой печати, так и в послевоенную советскую прозу. Несомненно, рамки отдельной статьи не позволяют в полной мере осветить роль и место их творчества в культурном наследии республики, оно нуждается в дальнейшем исследовании и переосмыслении.

Литература

1. Вечные люди. Фронтовики – деятели культуры Татарстана: портреты и судьбы / [авт.-сост. А.Б.Абсалямова]. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2015. – 271 с.

2. Гиниятуллина А. Писатели Советского Татарстана: библиографический справочник. - Казань: Таткнигоиздат, 1957.

3. Колесникова Е. "Русские писатели Татарии" // Красная Татария. - 1943. - 29 марта.

4. Писатели-фронтовики Татарстана / [сост.: Ш.Мустафин, А.Мушинский]. - Казань: Татар. кн. изд-во, 2016. - 367 с.

5. Сугыш уты белән өтелгән язмышлар. Фронтовик язучыларның хатлары һәм бүләкләү кәгазьләре жыентыгы. - Казан: Ихлас, 2015. - 440 с.

6. ЦГА ИПД РТ. Ф. 8320. Оп. 1. Д. 11. Л. 1. Подлинник.

7. ЦГА ИПД РТ. Ф. 8320. Оп. 1. Д. 11. Л. 2. Подлинник.

8. ЦГА ИПД РТ. Ф. 8320. Оп. 1. Д. 11. Л. 5. Подлинник.

9. ЦГА ИПД РТ. Ф. 8320. Оп. 1. Д. 11. Л. 6. Подлинник.

10. Шамова А. "Печать, рожденная в огне" // Казань. - 2007. - №7.

УДК 94 (47).08.

И.Ф.Шафиков

ПОВСЕДНЕВНАЯ КУЛЬТУРА МУСУЛЬМАН ВОЛГО-УРАЛЬЯ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА (ПОСТ В ПРОСТРАНСТВЕ ОБЫДЕННОЙ ЖИЗНИ)

Статья посвящена одной из фундаментальных основ мусульманской религиозной практики – соблюдению поста в месяц рамазан. Изученные материалы демонстрирует различные аспекты обыденной религиозности, влиянию уразы на повседневную и духовную жизнь татарского общества конца XIX – начала XX века

Ключевые слова: повседневная жизнь, татары, ислам, ас-саум, ураза, пост, рамазан.

Ildar Shafikov EVERYDAY CULTURE OF THE VOLGA-URAL REGION MUSLIMS AT THE END OF THE 19TH-BEGINNING OF THE 20TH CENTURY (FASTING IN THE CONTEXT OF MUNDANE LIFE)

The article is dedicated to one of the fundamentals of the Muslim religious practice - the fasting during the month of Ramadan. Studied materials show different aspects of commonplace piety, the influence of the fast (or "uraza") to ordinary and religious life of the Tatar society at the end of the 19th and beginning of the 20th century. Westernized part of the society was used to to a certain comfort resulting from a near-European way of life, but they also associated themselves with Islam. Thus they tried to avoid or lighten the fasting process. This caused the anger of the religious elite. At the same time ordinary inhabitants treated the religious orders quite thoroughly. And we can't agree with the authors who boded an absolute reject from the as-saum practice and after that the end of Islam.

Key words: everyday life, Tatars, Islam, as-saum, fast, "uraza", Ramadan

Ислам в Волго-Уралья существует непрерывно более 1000 лет. За это время мусульманская религиозная практика стала частью культурного контекста. Основные элементы ибадат (поклонения) были вписаны в повседневную жизнь, а богословские

Пост (арабск. ас-саум) часть религиозной практики мусульман, обязательная для всякого правоверного. За каждый пропущенный день он должен выплатить «фидию» (пожертвование имущества с целью искупления его грехов) в размере закят аль-фитр [2, б.10]. Ни под каким видом нельзя употреблять еду и воду. Как действие мукраһ оценивается жевание жвачки и разжевывание пищи для детей. Не прерывают уразу: кровь и иные естественные выделения организма, как и случайно попавшая пыль и тд. [2, б.11]

Наступление рамазана было большим событием в мусульманском обществе. Традиционно мусульманскому календарю, новый день наступает с закатом предыдущего. Новостные колонки татарских газет пестрели объявлениями: «Сегодня вечером после чтения таравиха (намаз обязательный во время поста) вступаем в уразу» [4, б.3] или «13 сентября прочитав таравих и 14 вступили в уразу. Дай

Бог выдержать, сохранив здоровье» [6, б.11].

Другим символом наступления рамазана становился наплыв «попрошаек». Как писала газета «Реформа» (Эл-Ислах) в 1908 году: «В эти дни в Казани уж очень стали заметны попрошайки и бэделче. Видимо по причине того, что приближается время Макарьевской ярмарки и месяца рамазан» [5, б.14].

По сведениям отдельных комментаторов, религиозность был свойственен и детям, современник пишет: «В нашей деревне 8-9-10 летние дети, видя как их отцы и матери в жаркие и душные дни держат уразу, не оставляли поклонения своего. А в особенно жаркие дни спускались в погреба, и хотя бы так не прерывали поста своего» [1, б.346].

Однако по наблюдениям авторов юмористических журналов не все мусульмане добросовестно исполняли требования религии. Например, один из номеров журнала «Сверкание» (Ялт-Йолт) в 1910 г. вышел с обложкой в виде карикатуры под названием «Рамазан ае» [12, б.1]. Обложка разделена на две половины: на первой изображены татары, едящие и пьющие в светлое время в нарушение канонов ислама. А справа изображены джины – демоны ада, горящие в пламени преисподней со связанными руками и ногами. Подпись под карикатурой гласит: «Руки и ноги шайтанов связаны, и все же...». В данном случае изображение отсылает читателя к хадису пророка Мухаммеда, о том, что во время рамадана шайтаны скованы цепями и соответственно не могут вредить правоверным и все прямые нарушения запретов случайные или намеренные остаются на совести нарушителей. По сведениям этнографов, для подобных татар тоже было свойственно некоторое религиозное смирение, например, на время поста они отказывались от табака и трубки [8, с.47].

Справедливость этих сведений подтверждают другие современники. Так Габдулла ибн Таджуддин ал-Качхири, с горечью писал: «Последние годы мы видим, как пошатнулась ураза» [1, б.346]. Автор, придерживаясь мусульманских ценностей, весьма близко воспринимает отход от традиционных стереотипов поведения, повсеместно наблюдавшийся в среде «джадитской молодежи». Но более всего негодование Габдуллы ал-Качхири, вызывает, тот факт, что сами не следуя столпам ислама, они сбивают и других. «Они говорят простому народу: «Вы на тяжелой работе, а раз так, то ураза для вас не обязательна...» [1, б.346]. По сути подобные крайности некоторых джадитов и подрывали доверие к ним и их лидерам со стороны обывателей. А с другой стороны вызывали ярую ненависть со стороны кадимистов, давая им лишнее преимущество в глазах мусульманской общины.

О подобных молодых людях так же писал Хади Тахири. По его словам, среди молодежи число несоблюдающих уразу «раздувая ничтожный повод или во все без него» растет год от года [9, б. 433].

Во многом причиной негодования была книга-фетва Мусы Бигиева «Пост в длинные дни». В ней автор, отталкиваясь от того, что на планете есть регионы, в которых отсутствуют типичные смены ночи-дня [3, б. 158], и на оригинальной интерпретации Корана, провозглашает, что пост в длинные дни или в широтах, где не заходит солнце (или не восходит), не обязателен [3, б.214]. То же справедливо и для ясту намаза (иша).

По словам богослова, пост не обязателен в первую очередь для занятых на тяжелых работах, таких как: шахтеры, рабочие фабрик и заводов, а также «изможденные бедняги, целыми днями режущие горы, таскающие камни и грузы, несчастные, которые кормят свои семьи, в длинные дни, работая под открытым солнцем на полях и нивах» [3, б. 159]. Однако пропущенные дни рамадана, выпавшего на длинные дни, должны быть возмещены.

Однако в противовес пессимистичным прогнозам Тахири и фетве М.Бигиева, можно привести группу лесорубов, возглавляемую Васихуллой Амирхановым и Лотфуллой ибн Хузяахметовым, которые, работая в наших широтах и летом в долгие дни, держали пост [11, б. 473]. Однако в 1914 году они были вынуждены перебраться на юг, в Ташкент. Кроме того, в силу обстоятельств они вынуждены были заниматься не своим ремеслом: заготовкой сена, и переноской грузов (переноска до двух пудов товара) с рынка на рынок, «а на рынке приходится находиться на солнце. В связи с этим рабочие спрашивают: «Не будет ли вреда нашему мусульманству?», при отказе от поста в таких условиях [11, б.473]. Редакция журнала «Шура» весьма понимающе отнеслась к письму, но все же констатирует, что пост в месяц рамазан обязателен для всех.

Кроме того, в это же время существовали «хитрецы», которые зная основы шариата, избегали открытого нарушения поста, под видом путешествия или вследствие медицинских противопоказаний – «Врач не велел» [9, б.433]. Необходимо отметить, что подобным способом городская молодежь избегала не только поста, но и службы в армии. Один молодой житель города Казани, некто Зиатулла Нурмаметов, дожив до 20 лет, вдруг стал страдать припадками раз в месяц, а иногда в месяц два раза [7, л.7].

Подобные инсинуации, увертки и откровенный подлог вызывали горечь и печаль современников, в связи с будущим религии и нации в целом. Для воздействия и возвращения в лоно ислама «просвещенной», читающей молодежи публиковались материалы, обосновывающие пользу от соблюдения поста для здоровья.

Для страдающих проблемами с желудком журнал «Шура» предлагал: «По сему, чтобы почувствовать реальную пользу поста во время сухура (предраасветный прием пищи) и ифтара (вечернее разговение), не стоит съесть более обычного» [10, б.527].

Медицинские наблюдения за здоровьем татарской части населения убедительно демонстрировали пользу поста. Так, по замечанию Сухарева А.А., «Наименьшее число больных приходится на декабрь месяц и объясняется продолжительным постом («ураза»)» [8, с. 09].

Для большинства же татар-обывателей месяц рамазан оставался временем смирения, молитв и добрых дел. Наиболее важной во время поста считалась Ночь Предопределения – Ночь Могушества (Кәдер Кичәсе). В эту ночь мусульмане старались бодорствовать: женщины и дети оставались дома, проводя ночь в беседах и чаепитии, стараясь разогнать сон, мужчины отправлялись в мечеть на «ити-кяф» (форма обета, заключающегося в пребывании в мечети и совершении поклонения, обычно в последнюю декаду рамадана).

В начале XX века проблема поста выходит из сферы личной религиозности. Дискурс эпохи преподносит эту практику как условие существования нации, ее развития и общественного прогресса.

Исполнение поста часть мусульманской практики, в начале XX века религиозная публицистика преподносила как безусловный приказ Создателя и одну из основ мусульманской идентичности. Поскольку контроль за исполнением этой нормы практически тяжело осуществим религиозные элиты большое внимание уделяли просвещению паствы.

С другой стороны, вестернизированная часть общества, приобщенная к определенному комфорту, обусловленным «около» европейским образом жизни, но ассоциирующая себя исламом, пыталась избежать или облегчить исполнение поста, навлекая на себя гнев религиозных элит. И в то же время обыватели относились к предписаниям религии весьма основательно, и нельзя однозначно согласиться с авторами, сулившим полный отказ от практики ас-сум, а за тем и гибель ислама.

Источники и литература

1. Ал-Качхири Г. Рузэне бетермик // Шура. – 1916. – №14. – Б. 346.
2. Баруди Г. Гыйбәдәт сәләс. – Казан: Типография Б.Л. Домбровского, 1903. – 16 б.
3. Бигиев М.Дж. Избранные труды. в 2 т. Т.1. / редкол.: Р. С. Хакимов и др.; сост. и подгот. т. к изд., пер. с осман., введ. и примеч. А. Хайрутдинова. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. – 335 с.
4. Вакыт. – 1908. – № 369. – Б. 3.
5. Әл - Ислах. – 1908. – № 36. – Б.14.
6. Әл - Ислах. – 1908. – № 45. – Б. 11.
7. НАРТ Ф.90. – Оп. 1. – Д. 208. – Л. 7.
8. Сухарев А.А. Казанские татары (Уезд Казанский). Опыт этнографического и медико-антропологического исследования: Дисс. на степень доктора медицины. – СПб.: Типография П. П. Сойкина, 1904. – 195 с.
9. Тахири Х. Рузә хакында бер ике сүз // Шура. – 1913. – №14. – Б. 433.
10. Шура. – 1910. – № 17. – Б. 527.
11. Шура. – 1914. – № 15. – Б. 473.
12. Ялт-Йолт. – 1910. – № 10. – Б. 1.

УДК 745+008 (091)

Е.Н.Тимофеева

НАРОДНЫЕ ОСНОВЫ ПЕСТРЕЧИНСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КЕРАМИКИ В ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

Работа посвящена проблеме интерпретации народных традиций в разработках профессиональных художников декоративно-прикладного искусства. Тенденции развития художественного языка Пестречинской керамики в конце XIX–начале XX в.в. рассмотрены в общероссийском контексте. Результаты проведенного исторического анализа ориентированы на применение в практике современных мастеров ДПИ, базирующихся на традициях.

Ключевые слова: Пестречинская художественная керамика, народное гончарство, растительный орнамент, декоративно-прикладное искусство Татарстана, народный художественный промысел.

Ekaterina Timofeeva FOLK BASIS OF PESTRETSY ART CERAMICS IN THE HISTORICAL AND CULTURAL CONTEXT

This work deals with the problem of folk tradition's interpretation in works of professional artists in the field of decorative and applied arts. Development tendencies of the artistic language of Pestretsy ceramics of late XIX – beginning XX are considered in Russia-wide context. Results of performed historical analysis are focused on being practically used by artists of decorative and applied arts who are based on traditions

Key words: Pestretsy art ceramics, folk pottery, floral ornament, applied decoration art of Tatarstan, trade.

Новые художественные явления в декоративно-прикладном искусстве (далее ДПИ) зачастую